

**Молодой
ЛЕНИНГРАД**

ГОС. ВЕНТРИЗДАТ

Молодой Ленинград*37

Государственное издательство
«Художественная литература»,
Ленинград, 1937 г.

116 стр. Тираж 3 300 экз.
Цена 2 р. 25 коп.

Ответственный редактор
А.А. Прокофьев
Переплет, титул и заставки:
М.М. Смирнова

Стихи: Всеволод Азаров,
Николай Волков,
Бронислав Кежун,
Борис Костров, Владимир
Лифшиц, Варвара Наумова,
Елена Рывина,
Елена Серебровская,
Леонид Складаров,

Анатолий Чивилихин, Борис Шмидт, Борис Штавеман, Павел Шубин

Павел Шубин

***

Здесь льдины, как едкая щелочь,
Разъела донская вода.
Вдыхать бы весеннюю горечь,
Стоять бы под ветром всегда
И видеть, как падает полночь,
Как тает туман без следа.

Я долю иную не знаю:
Покрытый кустарником склон,
Да даль – голубая, сквозная,
Реки бормотанье сквозь сон,
Да степь, да заря вырезная,
Да хата с окном на затон.

Покамест на плесы гагарьи,
Сгоняя с песка глупыша,
Рыбацкие выйдут байдары,
Камыш прошлогодний круша,
Мне ветер азовский ударит
Навстречу, мешая дышать,

Пропахнувший вербой и лесом,
Соленый и крепкий, как бром,
Кто большего счастья попросит,
Чем, парус поставив ребром,
Стряхнуть на песок под откосом
Фунтовых язей серебро!

И песню, звенящую славой,
О том повести высоко,
Что лягут дорогой кровавой
Отряды фашистских стрелков,
Что вслед им за дымной заставой
Застонет земля от подков,
Залитая страшною лавой
Летучих казачьих полков.

Владимир Лифшиц

СЕВАСТОПОЛЬ

Где-то затихли.

Запели.

Захлопали.

Море гремит,

издевается,

светится!..

– Странно, не правда ли?

Вдруг – в Севастополе!

Как это нас

угораздило встретиться?..

Пена

в лицо опаленное брызнула.

Берег распластан

песчаною шкурою.

– Стало быть,

все начинается сызнова?

Сядем,

судьба вы моя

белокурая! –

Верхом проносится,

низом проносится

волн равномерная разноголосица.

Катятся по морю

волны, как по полю, –

от Севастополя

к Константинополю.

Бронислав Кежун

РАССТРЕЛ УХТОМСКОГО

Видит машинист Ухтомский:

Крови – как весной воды,

Баррикад своих обломки –

Как крушения следы.

Он идет неумоимо.
Приближается тупик,
И плывет ограда мимо
Сотнею казачьих пик,
И качаются винтовки
В снеговой седой пыли...
До последней остановки
Заключенных довели.
Довели и приказали
Около кладбища: «Стой!»,
И глаза им повязали
Белой тряпкою простой.
Машинист Ухтомский резко
Повернулся впереди
И, сорвав повязку, с треском
Рвет рубаху на груди.
Солнце село в небе голом,
И закат почти потух,
Офицер высокий гордо
Ходит в шпорах, как петух.
Он кричит. Блестят кокарды.
Белый снег блестит, примят.
И патроны, как петарды,
Оглушительно гремят.
Видя, как плывут потемки,
Падая на снежный вал,
Далеко вдали Ухтомский
Услыхал и увидал
Сорванные с петель двери
И сверканье топоров,
Ку-ка-реку, гребни, перья,
Крылья красных петухов.
Тяжело Ухтомский рухнул,
В снег зарылся головой.
Так, раскидывая руки,
Дуб ложится вековой;
Так, в огне, в дыму пожара,
Слыша свист свинца окрест,
Погибали коммунары
На кладбище Пер-Лашез...

...Были матери и дети,
Гибли юноши от ран.
Проживали на планете
Пролетарии всех стран.
Голодали. Пели песни.
Спину гнули за станком.
Видели огонь над Пресней,
Слышали орудий гром.
Говорили на французском,
На японском и другом,
И учились, как по-русски
Разговаривать с врагом.

Елена Серебровская

ПУШКИН В МИХАЙЛОВСКОМ

Шнурком малиновым подхвачена рубаха,
Кудряв и трость железная в руках,
Идет он с горки. Небо в облаках.
На черном поле – одинокий пахарь.

Не ярмарка ли у монастыря?
Мальчишка в армяке разносит сбитень,
Послушники покинули обитель,
Исполнивши заутрени обряд.

Торгуют ситцем псковские купцы,
Блаженненький поет о божьих ризах...
Знакомься же с героями «Бориса»,
Послушай, что скрывают чернецы,

И губернатору пошли ответ
(Помещик дружит с нищими – не чудо ль?):
– Пускай меня не трогает, покуда
Его не трогаю. –

Как узок свет!

Как тесен мир!.. И на сердце тоска,
Когда поймешь, мечты свои оставя,
Что самодержца длинная рука
До самого Тригорского достанет,
Рука, которой письма открывать,
Которой залезать в чужие души,

Как меняются в воздухе люди!

Товарищ –

Балагур белозубый, веселый кунак –
Молчаливо летит в золотую отару
Облаков, на машину коня променяв.
Раздвигаются медленно горы, а воздух
Надувает мне ворот, кусает лицо.
Самолет провести меж горами непросто –
Зазевался, задел о скалу колесо –
И пошел колесить!

До конца! До потери

Слуха, зрения, силы, огня и любви.
На ладони возьмет авиатора Терек,
В быстротой опаленные воды свои.
Так машина хитрила, теснин не касаясь.
А подушка горы нестерпимо бела.
На крыло самолета упала косая
Тень кавказского, черного, злого орла.
Этот хищник был рыжим огнем перемечен,
Поднебесье давил, устремляясь вперед.
Он кричал нам в лицо на орлином наречье,
Понося авиаторов и самолет.
И тогда мы вошли в заповедное небо.
Уплывали теснины, как легкая грусть,
Стынет сердце, и горло становится немо,
С нами вздыбился рядом огромный Эльбрус.
И орел подымался все выше и выше.
Я следил за отчаянным взмахом крыла.
Злая гордость глаза ему известью выжгла,
И до смерти его высота довела.
Мы открыли огромный провал Арарата.
Черноморья отборную, черную гроздь.
Так над звездною кромкой Кавказа, крылатый,
Шел орла победивший заоблачный гость.